

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

К. Г. Красухин

АСПЕКТЫ
ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ

Акцентология
Морфология
Синтаксис

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.031
К 78

Исследование выполнено при поддержке гранта
Президента РФ
проект № 01-06-99508

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16228

Рецензенты:

акад. РАН Ю. С. Степанов
д. ф. н. Д. И. Эдельман

Красухин К. Г.

К 78

Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 456 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-109-8

Акцентология, морфология и синтаксис рассматриваются в монографии не по отдельности, а комплексно. Автор обращается ко многим грамматическим подсистемам: показателям глагольного залога, наклонений и времен, личным окончаниям, структуре глагольной основы, корневым именам, инфинитивам. В них обнаруживаются общие черты, причиной которых является передвижение ударения (акцента) и обусловленное им чередование гласных (аблаут). Согласно излагаемой гипотезе, вся эта общность является наследием особой аблаутно-акцентной парадигмы, ведущей свой исток из особенностей праиндоевропейского синтаксиса. Понятие аблаутно-акцентной парадигмы вводится индуктивно, после исследования значительного фрагмента грамматики, затем её черты исследуются и в других фрагментах.

Для специалистов по сравнительно-историческому и теоретическому языкознанию, морфологии, синтаксису.

81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-109-8

9 785944 571090

© К. Г. Красухин, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
РАЗДЕЛ I. ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА.....	13
Глава 1. Происхождение и развитие глагольной флексии в индоевропейских языках.....	14
1.1. Структура 3-го лица единственного числа глагола и соотношение индоевропейского активного и среднего залога	14
1.1.1. Общая характеристика диатезной оппозиции.....	14
1.1.2. Передвижение акцента и структура флексии	21
1.2. О системе личных показателей индоевропейского глагола	39
1.3. Плюральные формы глагола.....	67
<i>Экскурс I. Дейктические элементы в словоформе глагола..</i>	<i>76</i>
1.4. Элементы *-i и *-u в составе парадигмы глагольного словообразования	110
1.5. Три периода формирования индоевропейской глагольной флексии.....	113
Глава 2. Передвижение акцента в индоевропейской основе и морфологическая оппозиция атематических и тематических основ	117
2.1. Ведический нестандартный медиум (происхождение и функция) и его индоевропейские аналоги.....	117
2.2. Индоевропейские и греческие перфекты	169
2.3. Тематизация основ: индоевропейский конъюнктив.	189
2.4. Тематическая гласная и тематические глаголы	206
2.5. Глагольные формы на долгий гласный.....	217
РАЗДЕЛ II. НЕЛИЧНЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДНЫЕ.....	223
Глава 1. Корневые отглагольные имена (аблаутно-акцентные модели).....	224

1.1 Корневые атематические имена	224
1.2 Окситонные тематические имена.....	265
1.3 Тоновое или морфосемантическое передвижение акцента?.....	286
Глава 2. Инфинитивы, герундии, герундивы в индоевропейских языках (морфология и функция).....	298
2.1. Индоевропейские инфинитивы и близкие им формы	298
2.2. Особенности греческих инфинитивов (88)	324
<i>Экскурс II. Инфинитив и императив в греческом</i>	340
Заключение	346
Приложения	355
Косвенные падежи и причастные обороты	357
Нестандартный глагольный аблаут	375
Проблема залогов в различных лингвистических школах.....	401
Литература	438

ВВЕДЕНИЕ

В сравнительно-историческом языкознании уже довольно давно различаются две процедуры: непосредственное установление закономерных соответствий сравниваемых языков и их интерпретация. Ср. различие между формулой и собственно реконструкцией у Э. Германа [Hermann 1907] или между ближней и дальней реконструкцией у И. М. Тронского [1967]. Первая процедура устанавливает родственные связи сравниваемых языков или их отсутствие, вторая способствует реконструкции некоторого протосостояния языка, по времени предшествующего сравниваемым языкам и обычно не зафиксированного письменными памятниками. Иными словами, первая процедура является собственно сравнительной, вторая — сравнительно-исторической. И если целью языкового сравнения является установление той или иной лингвистической общности (генетической, типологической, ареальной), то реконструкция имеет своей целью установление базовых черт генетической общности. Опираясь на эти черты, исследователь может представить развитие родственных языков в пространстве и времени. Ясно, что представление об этом процессе напрямую зависит от предлагаемой процедуры реконструкции и от ее результатов. Соотношение «формулы» и «реконструкции» (в понимании Германа), ближней и дальней реконструкции (по Тронскому) — двустороннее. Первая предоставляет материал для второй, вторая способствует верификации первой. Из этого следует, что к методике реконструкции предъявляются совершенно особые требования: она должна быть максимально верифицирована. Поскольку же реконструкция по определению изучает незасвидетельствованные состояния, она не допускает ассерторических суждений, а только модальные. В формальной логике известен закон вероятных модусов: зная антецедент, можно высказать достоверное суждение о консеквенте; зная консеквент, можно высказать лишь вероятное суждение об антецеденте. Поэтому о

реконструируемом положении дел невозможно построить высказывание типа *Состояние А в языке В происходит из состояния А' в незасвидетельствованном языке В'*, но только *Состояние А в языке В, возможно, происходит из гипотетического состояния А' в языке В'*. Из этого следует, что главной задачей сравнительно-исторической лингвистики является повышение вероятности модальных (алетических) высказываний о прошлом. Для ее достижения используются различные методы верификации¹. Из них можно выделить следующие.

А. «Бритва Оккама». Ее классическая формулировка такова: сущности не должны умножаться без необходимости. В применении к нашему материалу это означает, что из двух теорий предпочтительнее та, которая способна дать непротиворечивое объяснение большему количеству фактов.

В. Системность реконструкции. Это требование в общем можно сформулировать так: если в подсистеме А наличествует элемент х, то в сходной по материальному оформлению и функции подсистеме А1 должен наличествовать аналогичный элемент х1. Образец системной реконструкции, как известно, впервые представил Ф. де Соссюр [1977]. Сравнивая древнеиндийские глаголы V, VII и IX классов, Соссюр поставил в строгое соответствие чередования суффиксов -nó- (<*-néu-)/-nu- (śṅnóti/śṅnuté, V класс), -nák-/ -nk- (yúnákti/ yunkté, VII класс); в сопоставлении с этим суффикс IX класса -nâ-/ -ni- (ḡṛbhñáti/ ḡṛbhñité) определяется как чередующий полную и нулевую ступень, причем в 0 ступени реализуется слоговой сонантический коэффициент; праформа суффикса выглядит как *-néA-/ -nA-. Сопоставление этого суффикса с другими примерами чередования a/i в древнеиндийском и их индоевропейскими аналогами позволило Ф. де Соссюру реконструировать особый класс фонем, не известный в его время и обнаруженный полустолетием позже в расшифрованном хеттском.

С. Внимание к межуровневым связям. Языковые изменения нередко не ограничиваются одним уровнем; изменение

¹ Краткий обзор этих методов см. в работе: [Клычков 1989].

звучания часто существенно изменяет значимые элементы. Изменение раннего латинского музыкального ударения на позднее силовое привело к редукции послеударных гласных, а неустойчивость конечных согласных существенно разрушила латинскую систему флексий, что способствовало развитию романского аналитизма. И в лингвистической реконструкции особенно важен учет тех изменений, которые затрагивают несколько уровней языка.

Д. Восхождение от формы к значению. В основе корректной реконструкции должна лежать строгая формальная процедура исследования, выработанная в рамках Московской формальной (фортунаатовской) лингвистической школы. Ее суть состоит в отборе различных языковых явлений, для которых удастся установить формальное тождество. Именно на основе этого установления можно говорить о развитии значений, о реконструкции семантики и функции для архетипической формы. Когда эта задача решена, тогда и можно говорить о том, что процедура реконструкции состоялась.

Именно эти обстоятельства предопределили направление исследования. О каждом языковом уровне, названном в подзаголовке, написаны объемистые монографии, и мы не ставили своей задачей охватить всю их проблематику. В предлагаемой вниманию читателя книге основное внимание уделено взаимодействию этих трех уровней.

В принципе, такой подход не нов: хорошо известно высказывание Б. Дельбрюка о том, что сегодняшняя морфология — это вчерашний синтаксис [Delbrück 1891: 90]. Действительно, многие морфологические категории имеют синтаксическое происхождение; наиболее наглядный пример — полные прилагательные в славянских языках — сперва чисто синтаксическое сочетание, ставшее затем доминирующей формой прилагательного. Связь синтаксиса и морфологии не односторонняя, и иногда морфология определяет некоторые черты синтаксиса; так, развитие притяжательных суффиксов в церковнославянском способствовало вытеснению притяжательными прилагательными притяжательных генитивов.

Акцентология и связанный с ней количественный аблаут также рассматривались с точки зрения их грамматической функции [Hirt 1900] и семантики [Барроу 1976]. Однако цельная межуровневая реконструкция пока что не создана. В последнее время возникла тенденция рассматривать индоевропейское ударение изолированно, вне связи не только с морфологией, но и с количественным аблаутом. Она связана с так называемой тоновой гипотезой — представлением о том, что место ударения в слове определяется по преимуществу тоном морфемы [Дыбо 1981; 1999; Lubotski 1988; Носк 1993]. С такой точки зрения ударение рассматривается как музыкальное и не обусловленное ни морфологией, ни семантикой слова. Но этому противоречат многочисленные морфологические и семантические оппозиции слов, различающихся только ударением.

Во многих работах, посвященных индоевропейскому аблауту и акценту, подчеркивается исторически изменчивый характер ударения в праиндоевропейском языковом состоянии: раннее ударение было силовым, позднее — музыкальным [Гамкрелидзе — Иванов 1984: 253; Fulk 1986]. Для дальнейшего исследования сформулируем те положения, которые можно считать аксиоматическими. 1. Раннеиндоевропейское ударение носило морфосинтаксический характер. Передвижение акцента происходило не произвольно, а несло несомненные семантические и грамматические функции. 2. Редукция и синкопа безударных подчинялась лингвотехническим закономерностям: корни структуры CRC (C — шумный согласный, R — сонорный, «тяжелые» основы) в безударной позиции развивали 0 степень вокализма. «Легкие» же основы структуры CR и особенно CC образовывали 0 степень, как правило, только когда сочетались еще с одной морфемой. Ср. др.-инд. *pat* ‘нога’ — род. п. *padàh* — *uràbdah* (< -pdó-) ‘шум’ (< ‘то, что под ногами’); греч. *έχω* ‘иметь’ — аорист *έσχον*, *πέτομαι* ‘лететь’ — *έπτομην*. 3. В выравнивании основ сыграло роль и давление системы. В именном склонении действует тенденция к унификации основы, в образовании времен — поляризация презентных и аористных баз; производное слово, сильно отошедшее от первичного по значению,

легко расходитсЯ с ним и по форме. 4. Каждая основа знаменательного слова в праиндоевропейском имела вокальный ауслаут. В безударном положении он синкопировался, в ударном — реализовался как тематический гласный. Иными словами, атематические имена и глаголы восходят к изначально баритонным словоформам, а тематические — к окситонным². 5. Там, где невозможна 0 ступень вокализма, редукция гласных могла воплощаться в изменении тембра *SeCé > CoCé* [Kuryłowicz 1968]. 6. Переход безударного *e* в *o* мог иметь место и в позднем индоевропейском, когда динамический компонент ударения был в значительной мере утрачен.

* * *

Исследования в области индоевропейской морфологии и синтаксиса были мной начаты в середине 80-х гг. под руководством одного из крупнейших российских компаративистов — профессора Олега Сергеевича Широкова (1927—1997). Ученик замечательных лингвистов М. Н. Петерсона и Б. А. Серебrenикова, Олег Сергеевич унаследовал от своих учителей широту научного кругозора и стремление к строгим методам исследования. Ему принадлежит первоначальная формулировка положения об аналогии между передвижением акцента в различных морфологических подсистемах индоевропейских языков; проще говоря, ударность окончаний родительного падежа и среднего залога и их противопоставление безударной флексии номинатива и активного залога обусловлены сходными причинами [Широков 1981]. И в самом деле, обращение к аблаутно-акцентным процессам позволяет реконструировать индоевропейскую морфологию, а отчасти и синтаксис на единых основаниях.

² К. Уоткинс [Watkins 1969: 40—45] и Дж. Ясанов [Jasanoff 1998: 303—304] полагают, что тематический гласный был самостоятельным суффиксом. Уоткинс определяет его первичное значение как нулевое, что довольно сомнительно. По мнению же Ясанова, тематический гласный образует так называемый «протомедий» (protomiddle), т. е. глагольную форму со значением статива, бенефактива, неконтролируемого процесса, из которой развиваются как обычный медий, так и перфект.

Работа эта продолжалась в Отделе теоретического языкознания, руководимом Юрием Сергеевичем Степановым. Сам Ю. С. Степанов в конце 80-х гг. занимался проблемами индоевропейского синтаксиса, рассматривавшегося им весьма широко, с привлечением современных морфологических и семантических теорий. Обсуждение основных проблем морфологии позволило уточнить многие положения моей работы. Необычайно полезны для меня были и контакты с Энвером Ахмедовичем Макаевым, всегда учившим максимальной осторожности и филологической акрибии. Я также с благодарностью вспоминаю выдающегося тюрколога Нинель Зейналовну Гаджиеву (1925—1991), побуждавшую своих коллег создавать обобщающие работы по исторической грамматике различных языков и языковых групп. Хотелось бы также поблагодарить Н. Н. Казанского, М. М. Маковского, В. К. Журавлева, В. П. Нерознака, Ю. В. Откупщикова, Г. Надя, К. Уоткинса, Дж. Ясанова, Б. Дринку за плодотворные дискуссии о многих затронутых в данной книге проблемах.

Стипендия фонда IREX позволила мне осенью 1995 г. поработать в библиотеке Гарвардского университета, ознакомиться с рядом недоступных в Москве работ. В частности, именно там мне удалось прочесть основные исследования, принадлежащие к Эрлангенской акцентологической школе. Степень схождения и расхождения ее идей с теорией аблаутно-акцентной парадигмы была затем рассмотрена в статье [Красухин 1998]; дополненный и расширенный раздел из нее включен в настоящую книгу. В дальнейшем исследование было поддержано грантом Президента РФ для молодых докторов наук (проект 01-06-99508 = МД-319.2003.06). Книга издается при поддержке РГНФ.

РАЗДЕЛ I

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ФЛЕКСИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1.1. Структура 3-го лица единственного числа глагола и соотношение индоевропейского активного и среднего залога

1.1.1. Общая характеристика диатезной оппозиции

В грамматике Дионисия Фракийца названо три залога греческого глагола: действительный (*ἐνεργητικός*), страдательный (*παθητικός*) и средний (*μέσος*). Эти наименования прочно вошли в европейскую лингвистику. Семантика первых двух залогов в общем соответствует их названиям: действительный или активный залог показывает, что субъект совершает действие; страдательный или пассивный — субъект претерпевает действие, произведенное вне его; семантика же медиа в греческом не поддается однозначному определению. Поэтому греческая грамматическая традиция и выработала не вполне определенный термин «средний» (между активом и пассивом) залог.

Более адекватная классификация залогов была дана в древнеиндийской грамматической традиции. Со времен Панини (IV—III вв. до н. э.) глагольный залог описывался как противопоставление действия, направленного не на его субъект (*paraṣmaipada* — дословно ‘другому — шаг’) и действия, направленного на субъект (*atmaṣmaipada* — ‘себе — шаг’). Именно в этом духе рассматривает глагольную диатезу современное сравнительно-историческое языкознание. Сравним такие пары, как греческое *λούει* ‘моет’ — *λούεται* ‘моется’, весьма распространенное в над-

гробных надписях *ἔποιήσατο* 'сделал себе' (имеется в виду гробница), скр. *yájati* 'приносит жертву', *yájate* 'приносит в жертву', первый глагол о жреце (лицо незаинтересованное), второй — о заинтересованном лице (аналогично греческое *ἴει* — *ἴεται*) [Семереньи 1980: 270].

В языкознании давно сложилось мнение о том, что медий есть категория, производная от актива, обозначающая самонаправленность действия [Мейе 1936: 305; Шантрэн 1955: 151; Бенвенист 1974] или, выражаясь несколько иначе, центростремительная (субъектная) версия глагола [Климов 1977: 270; Перельмутер 1977: 202].

Особую сложность представляет вопрос о происхождении медия. В последние 70 лет появилась новая точка зрения на этот вопрос, связанная с исследованиями Х. Педерсена, Е. Куриловича, Хр. Станга. Эти ученые установили, что наиболее древняя индоевропейская оппозиция в глаголе разделяла категорию действия (породившую ведийский инъюнктив, затем — аорист и презенс) и категорию состояния (предтеча перфекта). Медиальный залог был объяснен как внедрение категории перфекта в презентно-аористную систему. Такая реконструкция основана на близости личных окончаний медия и перфекта. Усилия исследователей были направлены также на то, чтобы вскрыть процесс преобразования перфекта в медий. Хр. Станг предположил существование двух диатез: презентно-аористной и перфектной, каждая из которых могла иметь настоящее время [Stang 1932]. Презенс перфектной диатезы в конечном итоге и сформировал медий, получив прочную корреляцию с активным презенсом. Перестройка системы глагола была столь радикальна, что в древнегреческом и санскрите образовалась новая категория: медиальный перфект. Следы архаической перфектной диатезы Станг видел в вед. *śáye* = греч. *κεῖται*, в претерите типа *áduha* (-a < перф. *e), а также в спряжении на *hi* в хетт. Развивая мысли Хр. Станга, Я. Сафаревич указывал на категорию, непосредственно отражающую и.-е. перфекто-презенс: латинский перфект [Safarewicz 1967]. Развитие перфекто-презенса и аориста-пре-

зенса шло так: и там, и там окончание могло иметь элемент *i* в своей структуре; формы без *i* более древние:

*-m	*-mi	*-ha	*-hai	-i
*-s	*-si	*-tha	*-thai	(-is)-ti
*-t	*-ti	*-e	*-ei	-i(t)

(латинский перфект)

Свидетельство того, что латинское 3 л. перфекта могло отражать и.-е. *-ei можно найти в др.-лат. формах: *fuveid*, *adieid* (где -d заимствовано у обычных претеритов, ср. др.-лат. *fhe*: *fhaked*, *feked*). Элемент *i* не имел вначале ни презентного, ни перфектного значения (о нем см. ниже), но, возникнув в перфекте, он перешел на презенс и породил медиальные окончания типа греч. -*μαι*, -*σαι*, -*ται*, -*υται*, скр. -*e*, -*se*, -*te*, -*nte*; -*a* есть показатель влияния перфекта: воздействие флексий -*ha*, -*tha* на -*m*, -*s*, -*t* привело к формам -*ma-*, -*sa-*, -*ta-*.

Е. Курилович и К. Уоткинс также выводят медий из перфекта. Однако Е. Курилович полагает [Kuryłowicz 1964, гл. II], что медиопассив есть непосредственное продолжение перфекта в презенсе, причем пассивная семантика по отношению к медиальной является первичной, так как категория состояния должна сначала привести к пассивной семантике. Согласно его концепции, в индоевропейском глаголе наиболее архаичной была оппозиция актив: пассив. Пассив разворачивается затем в перфект, противостоящий презенсу-аористу, и в медий, выражавший пассивную диатезу в презентно-аористной системе (ср. «перфектная диатеза в презенсе» у Станга). Следовательно, древнейшее значение медия по Куриловичу — пассив. Но эта точка зрения не находит поддержки у других исследователей. Так, Э. Ной решительно высказался в пользу первичности медия, который с его точки зрения есть нечто среднее между активом и перфектом [Neu 1976: 250—251]. Процесс образования среднего залога Э. Ной реконструирует в общем так же, как Хр. Станг и Я. Сафаревич. К. Уоткинс вслед за Е. Куриловичем сконцентри-

ровал внимание на 3 л. перфекта *-е. Это окончание, являясь по сути нулевым, породило перфект, медий и тематическое спряжение [Watkins 1969: с. 111]. Весьма решительно высказался в пользу связи медия с перфектом А. Н. Савченко: по его мнению, первичное значение медия — состояние, значение же действия, направленного на субъект, — вторично. Эта точка зрения подкреплена анализом семантики некоторых гомеровских и ведийских глаголов типа *véμω* — *véμομαι*, где медиальный залог обозначал непереходное действие, а актив — переходное, нередко каузативное к медию [Савченко 1964].

Но семантическая оппозиция актив-медий не может быть сведена только к переходности — непереходности. Поэтому необходимо рассмотреть существующие классификации медия.

Э. Швицер, рассматривая глагольную диатезу в греческом, устанавливает следующие семантические оттенки в употреблении медия.

1. Непереходность при переходном активе: *véμω* 'делить' — *véμομαι* 'обитать, жить'; *κλίνω* 'гнуть' — *κλίνομαι* 'приклоняться' (значение, близкое к рефлексиву); актив может выступать в качестве каузатива к медию: *παύω* 'прекращать' — *παύομαι* 'переставать'.

2. Медий в значении *atmanepada* (некоторые примеры см. выше), к этой же категории относится и средний залог с посесивным значением: γ 492 *ἵππους δ' ἐξέυγυντο* 'они запрягли своих лошадей'.

3. Медий с итеративно-усилительным значением (ср. рус. прохаживаться): *πολιτεύομαι* 'быть деятельным, активным гражданином'.

4. В оппозиции *νήχω* — *νήχομαι* Швицер видит различие в охвате субъектом среды (сферы действия): *νήχω* 'плавать' вообще, *νήχομαι* — речь идет о водных животных. Реципрокальный (взаимный) медий: *ερίζομαι*, *πικτεύομαι* 'ссориться'.

6. Диатеза, зависящая от префикса: *ἔπομαι* — *μετάσπων* 'следовать'.

7. В некоторых случаях, по мнению Швицера, медий является первичным по отношению к активу, так как наиболее арха-